

Степень родства **Отец**
Савельев Михаил Петрович

Родился 30 мая 1922 г. в дер. Зайцево (ныне Горняк) Киреевского района Тульской области.

Родители: Савельев Петр Андреевич 1882 г.р. (10 июля), уроженец Тульской губ., д. Зайцево, русский, православный, крестьянин; Сеницина Мария Антоновна, 1882 г.р., уроженка Тульской губ, русская, православная, крестьянка.

Образование 8 классов.

С родителями проживал в д. Зайцево, а позднее (после раскулачивания в 1934 г.) на ж.д. посту в районе станции Присады, где его отец Петр Андреевич работал мастером по ремонту ж.д. мостов.

Участник ВОВ. Из записи в красноармейской книжке: *«Участвовал на фронтах Великой Отечественной войны с 15 мая 1942 г. по 9 мая 1945 г.»* В составе 123 минометного полка, а потом в составе 2-й минометной (Бранденбургской) бригады 6-й артиллерийской (Мозырской) дивизии прорыва РГК, последовательно входящих в Западный, Брянский, Белорусский и 1-й Белорусский фронты, участвовал в контрнаступательных и оборонительных боях в ходе битвы за Москву, а также в наступательных операциях: на Курской дуге, Орловской, Брянской, а далее Гомельско-Речицкой, Калиновичско-Мозырской, Белорусской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операциях.

Гос. награды: орден Отечественной войны, два ордена Красной звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За оборону Москвы», юбилейные знаки и медали, грамоты.

Работал (большую часть трудовой жизни до пенсии): Шатская станция «Подземгаз», нормировщик, начальник ОТиЗ, главный экономист.

Женился на Курпатенковой Зое Филимоновне в сентябре 1946 г.

Дети: Петр 12 июля 1947 г. (Присады), Константин 15 октября 1952 г. (Присады), Николай 23 декабря 1956 г. (Шатск)

Последнее место жительства: с октября 1955 г. - пос. Шатск Ленинского района Тульской области,

Умер 28 сентября 1996 г. похоронен на кладбище у дер. Теплое Ленинского района Тульской области (Шатское кладбище).

Из воспоминаний:

В юности отец учился в школе д. Теплое. Учился на отлично. Вспоминал о случаях, когда учитель поднимал его на руки и носил по классу, как пример отличного ученика.

Хорошо рисовал как любитель, в.т. числе, масляными красками. Сохранился живописный портрет маленького Петра.

Был невысокого роста, но крепок. В молодости, по рассказам мамы, из-за своего независимого характера, бывало, и дрался с местными парнями. Сам отец вспоминал как приходил на станцию на праздник в новой косоворотке, у которой его мамой Марией Антоновной был ворот и запах расшиты в несколько рядов перламутровыми пуговицами.

Обладал прекрасными способностями организатора делопроизводства в области нормирования труда и экономической деятельности предприятия. Не смотря на свое образование (8 классов), имел превосходные знания в области своей профессии. Были случаи, когда его приглашали работники других предприятий в качестве эксперта при судебных разбирательствах трудовых споров.

Пользовался авторитетом в главке и министерстве. Дважды приглашался на работу в Москву, но не поехал из-за категорического отказа нашей мамы Зои Филимоновны, которая очень любила свой дом и дорожила сложившимся укладом жизни семьи.

Отличался любознательностью, выписывал литературу (книги), журналы (в том числе, литературные), газеты. Для детей выписал первое издание (желтое) Детской энциклопедии. Выписывал и Большую советскую энциклопедию.

Владел навыками переплетчика, имел простой переплетный станок и по выходным дням занимался переплетом заводских документов (подрабатывал), а также журналов (Приложений к журналу «Огонек», журнала «Охота» и др.).

О войне вспоминал редко и рассказывал мало. День Победы почитал, как самый большой праздник. Будучи беспартийным, тем не менее, в день Октябрьской революции и майские праздники, включая день Победы, обязательно вывешивал на доме красный флаг.

В памяти отложились его короткие рассказы о войне. Например, он рассказывал, что когда он учился в полковой школе разведки, то у него был конь Орлик, у которого он на одном из занятий шашкой отрубил кончик уха. А во время боев на Курской дуге, где он принимал участие в боях на Орловско-Брянском направлении, им пришлось отбивать психическую атаку немцев. Немного рассказывал и о боях при форсировании Одера и вторжении в Берлин, о боях в Восточной Померании, но в памяти почти не отложилось никаких подробностей из этих рассказов. Разве только его рассказ о том, как после освобождения Варшавы, он разговаривал со старым поляком, который очень восторженно рассказывал о боях за Варшаву. Отец спросил его: «А кто освободил Варшаву-то?» На что тот ответил, с сияющими от гордости глазами: «О-о-о! Войско Польско!» - И большое у вас войско? – с иронией спросил отец. И тут же получил еще более гордый ответ: «Една дивизия. Но мощна, холера!!!» Да еще он рассказывал, как в начале 1945 г. был тяжело ранен – ему лежащему под обстрелом осколком снаряда на излете перебило с наружной стороны сустав ступни. Он говорил, что нога наверняка была бы потеряна, если бы не пленный немецкий хирург, который прооперировал его буквально под пистолетом. В феврале отец поправился и вновь вернулся в свою часть.

Как и многие из того поколения фронтовиков любил выпить. Бывало пил крепко. Из-за этого пристрастия, конечно дома были и скандалы. И только, уже выйдя на пенсию, отец стал употреблять гораздо умереннее – выпивал утром стопочку и все. И совсем отказал себе в этой стопочке за три дня до смерти.

Вставал рано, часов в пять-шесть, выпивал бокал чая и уходил пешком на работу (3 км). На работе появлялся самым первым. Он говорил, что плодотворными бывали только первые часы на работе, а потом появлялся народ, начиналось мельтешение и дергание. А в обед доброхоты уже приносили выпивку. Конечно так было только в последние годы, когда авторитет отца позволял ему несколько пренебрегать трудовой дисциплиной. После первого стакана он никогда не писал ничего ручкой – только карандашом, чтобы можно было все проверить и исправить на трезвую голову.

Характер имел волевой, сильный, и только пристрастие к спиртному было той его слабостью, которая не позволила проявиться его честолюбию в более успешном карьерном росте. При его природном уме отсутствие образования этому практически не помешало бы.

Собирал и читал воспоминания известных военачальников (Жукова, Штеменко, Мерецкова), а также другие книги о ВОВ (Энциклопедию о ВОВ, книгу Д. Проэктора «Агрессия и катастрофа»).

К Жукову и Сталину относился с большим уважением. В последние годы жизни, в смутное время, наступившее после перестройки, тайком от мамы (она всегда голосовала за аграриев) голосовал за коммунистов. А когда она ему говорила полушутя: «Что ты за них голосуешь? Они же вас раскулачили!», он отвечал: «И правильно сделали, а то бы я, может, всю жизнь в земле копался!» Ведь его родители со своими детьми занимались огородничеством на своих земельных наделах. А в документах по раскулачиванию и лишению избирательных прав причиной было записано: «За владение четырехконной молотилкой и использование наемного труда.»

В последний год жизни болел. Его стали мучить головные боли, он ослабел, перестал спускаться с крыльца, хотя и не выглядел сильно больным. Когда я спрашивал его, что болит, отвечал: «Все болит». Недели за две до смерти ему стало хуже. Сердце работало плохо. Врачи сказали, что у него сердце как у древнего старца, хотя ему было только 74 года (надо сказать, что все его братья тоже дожили только до 74 лет). Конец сентября, отопление еще не работает, дома холодно. Он мерз и это не прибавляло ему оптимизма. Он почти не вставал. В день смерти я зашел его проведать после работы. Он лежал под одеялом на диване в дальней комнате. Выглядел как обычно. Поговорили, спросил о здоровье, он ответил: «Все, наверное, Кость.» Я стал приободривать его: «Да что ты! Поправишься! Завтра зайду, еще поговорим.» Он попросил помочь ему повернуться на бок, к стене. Прикрыл одеялом, попрощались. Немного постоял, поговорил с мамой на веранде и пошел домой. Только зашел, зазвонил телефон. Звонила мама, рыдая, сообщила: «Отец-то умер!» Сразу вернулся обратно...

Степень родства **Мать**

Савельева (Курпатенкова) Зоя Филимоновна.

Родилась 15 февраля 1922 г. в Рязанской области.

Родители: Курпатенков Филимон Иванович 1889 г.р., уроженец Могилевской губ., белорус?, православный, железнодорожник, дежурный по станции; Голофеева Варвара Григорьевна 1900 г.р., Рязанская губ., д. Рясы, русская, православная, домохозяйка.

Образование 8 классов.

Вместе с родителями какое-то время жила на ж.д. разъезде «Белопесоцкий пост» под Каширой, затем на станции Кремлево Рязанско-Вяземской ж.д., перед войной – на станции Присады Тульской области.

Работала (с 16 лет) в товарной конторе станции Присады Московской ж.д. товарным кассиром (какое-то время начальником товарной конторы) до самой пенсии.

В начале войны, в конце октября 1941 г., эвакуировалась с сестрой Ниной в Казахстан. После разгрома немцев под Москвой (декабрь 1941 г.) через два месяца вернулась на ст. Присады на свою работу. Для восстановления ж.д. сообщений на территориях освобождаемых от фашистов, была откомандирована на одну из узловых станций соседних областей. Через несколько месяцев снова вернулась домой.

Гос. награды: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», юбилейная медаль «50-летие Победы в Великой Отечественной войне», почетные грамоты.

Вышла замуж в сентябре 1946 г. за Савельева Михаила Петровича, с которым дружила еще до войны.

Дети: Петр 12 июля 1947 г. (Присады), Константин 15 октября 1952 г. (Присады), Николай 23 декабря 1956 г. (Шатск)

Последнее место жительства: с октября 1955 г. - пос. Шатск Ленинского района Тульской области,

Умерла 10 марта 2001 г., похоронена на кладбище у дер. Теплое Ленинского района Тульской области (Шатское кладбище) рядом с мужем Савельевым М.П..

Из воспоминаний:

Мама много рассказывала о своем детстве, о бабушке Филимоне, о войне. Помню летние теплые вечера, когда мы, дети, сидели с мамой на крыльце дома в Шатске и слушали ее рассказы. К сожалению, не так уж и много из ее рассказов отложилось в памяти. Наверное потому, что мы и не стремились запомнить их, а просто любили, собравшись вместе, и наслаждаться созерцанием звездного неба, стрекотом кузнечиков, далеким кваканьем лягушек, слушать маму. Это были самые мирные и беззаботные вечера нашего детства и юности. Когда в гости к нам приезжал кто-либо, эти ночные посиделки становились особенно продолжительными.

Помню, как мама рассказывала о своем детстве, в период когда они жили на станции Кремлево недалеко от Павельца. Это маленькая станция, где пересекались радиальная железная дорога южного направления (на Саратов и далее в Среднюю Азию) и рокадная железная дорога Рязск – Вязьма. Дед Филимон Иванович работал дежурным по станции, а бабушка Варвара Григорьевна домохозяйствовала. Не считая умершей во младенчестве дочки Вали, в семье было пять детей: Николай (самый старший), Зоя (наша мама), Лия, Нина и Владимир. Мама часто рассказывала о речках, которые протекали рядом со станцией: Теменка, глубокая речка и Верда – река с многочисленными омутами и протоками, с печаным дном, неглубокая. По ней можно было долго идти по колено в воде.

Дед Филимон Иванович был человеком начитанным и современным, очень способным и разносторонним. Он занимался огородничеством (выращивал редкие для того времени помидоры), столярным делом (изготавливая мебель для семьи), фотографией (имел свою лабораторию и даже подрабатывал, фотографируя местных жителей). Дед прекрасно рисовал и эта его способность в большей степени передалась дяде Николаю

Филимоновичу. Играл на баяне. Портняжил (сам шил одежду для детей). Кроме этого выписывал много литературы для детей (и русскую классику, и зарубежных писателей: Жюль Верна, Майн Рида, Вальтера Скотта и других).

В 1930 году настали для семьи тяжелые времена. Однажды вечером, дед сидел на крыльце дома и играл на баяне. Рядом были и дети, и некоторые из соседей. Мимо проходил пьяный житель, у которого с дедом был конфликт из-за украденного им радиоприемника. Увидев деда он стал скандалить, спровоцировал драку, в ходе которой смертельно ранил деда ножом. Деда не довезли до больницы, он умер, потеряв много крови из многочисленных ран. Дяде Николаю в это время было всего 11 лет, маме – восемь, а остальным еще меньше.

Пришлось бабушке Варваре Григорьевне, никогда нигде не работавшей, устроиться на работу в вокзальный буфет, чтобы содержать семью. Дети учились в интернате в Павельце. Не пропали, все выжили и выросли. Дядя Николай Филимонович выучился на телеграфиста и был направлен на работу на станцию Присады Тульской области. А когда ему дали комнату, к нему приехали и остальные, так как здесь было больше перспектив устроиться на работу. В 16 лет мама пошла работать на железную дорогу и стала товарным кассиром (т.е., бухгалтером по оформлению и учету железнодорожных грузоперевозок). Так всю жизнь и проработала в товарной конторе по сменам, до самой пенсии.

Перед войной мама познакомилась с отцом, они дружили, и потом мама ждала его с войны. Когда в конце октября 1941 г. немцы стали подходить к Туле, на станции поставили несколько теплушек и предложили желающим эвакуироваться. Желающих нашлось немного: мама с сестрой Ниной и бабушкой Варварой Григорьевной, семья директора школы, семья начальника станции и еще несколько человек. Остальные решили не бросать свои дома и остались на оккупированной территории. Впрочем, оккупация та была недолгой – уже к середине декабря 1941 г. немцев отбросили от Тулы.

Об эвакуации в далекий Казахстан мама рассказывала часто. Как ехали в теплушках (вагоны с печками-буржуйками и полатами внутри). Как бабушка решила остаться у родственников в д. Рясы Рязанской области, а мама с сестрой - ехать дальше. Я только не запомнил место, куда они приехали и находились около 2-х месяцев. Помню, что это был большой казахский аул в предгорье. Через аул протекала горная река, воду которой использовали местные жители. Мама и другие эвакуированные брезговали брать воду в ауле и ходили подальше в горы, где вода была очень чистой. Отношение казахов к эвакуированным было нормальным. Запомнилось, что сына хозяина, у которого они жили звали Базар.

Когда немцев отогнали от Тулы, мама с сестрой решили возвращаться. Путешествовать в то время было не просто – регулярного пассажирского железнодорожного сообщения не было. Все пути были забиты воинскими составами, составами с эвакуированным обмундированием и людьми, санитарными поездами и т.п. Но на станциях крупных городов был учет эвакуированных и можно было хоть как-то пропитаться в дороге и получить проездные документы. Приходилось, конечно, и вещи продавать, чтобы купить хлеба. Поезда брали буквально штурмом. У молодых девушек (а тетя Нина была еще несовершеннолетней) шансов прорваться в вагон было не много. Однажды им пришлось ехать на подножке вагона. Мама просилась пустить их в вагон, но места войти в него не было. Наконец, ей удалось втиснуться и она стала уговаривать людей потесниться. В это время поезд подошел к станции и остановился. Когда мама открыла дверь, то тети Нины на подножке не оказалось. Мама в ужасе решила, что она замерзла и свалилась на перегоне. Но к счастью оказалось, что замерзшую девочку на подножке пожалел какой-то военный и отвел в свой вагон, в котором они и поехали дальше. Однажды они на проданные вещи купили в дорогу продукты и положили их в маленький чемоданчик. А когда в давке садились на поезд, чемоданчик открылся и все продукты выпали. Потом трое суток они ехали совершенно безо всякой еды. Только пили

кипяток в вагоне. Наконец, они приехали в Рязанскую область к родственникам, и там их впервые накормили. Когда они вернулись на Присады мама снова пошла работать в товарную контору. На железной дороге в то время была почти военная дисциплина. И кроме своей работы приходилось еще в авральном порядке разгружать уголь и другие грузы, очищать пути от снега.

После войны, осенью 1946 г. мама с отцом поженились. В 1947 и 1952 гг. родились Петр и я. И до 1955 г. мы жили на Присадах в, так называемом, четвертом доме, в небольшой комнатке на втором этаже. Маме тяжело пришлось в первые послевоенные годы. С маленьким Петром на руках она осталась одна, так как отец несколько лет находился в «местах отдаленных». Об этом в семье говорить было не принято, но кое-что из рассказанного мамой отложилось и в нашей памяти.

После освобождения отец работал какое-то время на Новотульском металлургическом заводе нормировщиком, а в начале 60-х устроился на строящуюся Шасткую станция «Подземгаз» - первую в мире электростанцию на подземной газификации углей. В трех километрах от станции, на пустом бугре поднимавшимся от высокого правого берега реки Шат, был построен маленький, аккуратный, поселок Шатск. В 1955 году нам дали две комнаты в трехкомнатной квартире в «финском» двухквартирном щитовом доме на переулке Молодежный. Поздней осенью, в конце октября или в ноябре, мы переехали в этот новый наш дом. В третьей комнате жили мамин старший брат Николай Филимонович со своей женой (для нас – тетей Аней). Через несколько лет они переехали во временный поселок рядом с заводом, а наша семья расселилась во всех трех комнатах.

В 1956 году родился Николай. Помню, как в морозный декабрьский день маму с младенцем привезли из Теплинской больницы на грузовом автомобиле типа ЗИС. Мы с Петром наблюдали за этим из окна в ванной. Когда Колю принесли в зал и положили на кровать, мы с интересом стали рассматривать его. И в моей памяти осталось убеждение, что это мы с Петром предложили назвать его Колей, хотя, может быть, это и не совсем так.

Родители постепенно обустроивали наш быт в Шатске. Расчистили от строительного мусора приусадебный участок, поставили ограду, построили сарай, посадили сад (яблони, груши, вишни, сливы), разбили огород. Каждый год покупали на откорм поросенка. Развели кур. Пытались даже разводить кроликов, но они что-то у нас не прижились: по-моему, их у нас украли из сарая. Первые годы отопление в доме было автономное – в кухне стоял немецкий чугунный угольный котел, который топили два раза в сутки. Кстати в эти же годы на кухне стояла и немецкая металлическая эмалированная дровяная плита с духовкой и выдвижным ящиком для сухих дров. Помню, как мы с Петром жарили картофельные «рябчики» на гладкой чугунной плите рядом с конфорками. А в дровяном ящике поселили щенка – нашу первую собаку по кличке Султан.

Потом, конечно все поменялось. Из маленького щенка выросла собака-монстр, которая не подпускала к себе никого, кроме отца и мамы, и которую пришлось застрелить, когда она и их перестала подпускать. Отопление стало центральным, вместо демонтированной дровяной плиты готовили сначала на электрических плитах (мама не любила керогазы), а потом уж на газовой плите с балонным питанием. Ну, а еще позже централизованным стало и газовое снабжение.

Мама очень любила свой дом. Всегда поддерживала в нем порядок. Не только в доме, но и на огороде, и в саду. Нас с Петром, пока Коля был маленький, тоже привлекала к уборке дома и работам на огороде. Мыли пол (каждый свою закрепленную территорию), протирали от пыли листья цветов (модных тогда лимонов и фикуса), участвовали в переноске угля, помогали копать картошку, пололи грядки, обирали малину, крыжовник, смородину. В общем, трудились тоже. Став постарше, участвовали и в обрезке деревьев, и в заготовке дров для титана в ванной.

Когда мы с Петром стали жить отдельно со своими семьями, то всем эти пришлось заниматься Николаю, так как он еще долго жил с родителями.

...